

УДК 94:061.4

ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В ЭКСПОЗИЦИИ ОМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1929 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1941 Г.)

Е. И. Красильникова

Новосибирский государственный технический университет, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
katrina97@yandex.ru

Рассмотрены проблемы, возникавшие у сотрудников Омского краеведческого музея при организации исторического отдела экспозиции в период между 1929 и 1941 гг. В это время в стране изменилась культурная политика и были подвергнуты критике старые подходы к созданию музейных репрезентаций прошлого. Показан кризис экспозиционной деятельности первой половины 1930-х гг., охарактеризованы попытки его преодоления в предвоенные годы. Уделено внимание восприятию исторического отдела экспозиции посетителями музея.

Ключевые слова: Омск, музейное дело, историческая память, политика памяти, экспозиция, репрезентация прошлого.

Музеи с их историческими экспозициями необходимы обществу для поддержания его исторической памяти. Характер репрезентации исторического прошлого в экспозиции во многом зависит от творческой инициативы музейных работников. Однако на определенных этапах истории нашей страны деятельность музеев находилась под жестким контролем со стороны государства, ограничивавшего эти инициативы и диктовавшего определенную историческую политику, выраженную в том числе в музейной политике. Цель данной статьи – охарактеризовать проблемы создания исторического раздела экспозиции в Омском краеведческом музее в период между 1929 и первой половиной 1941 г. в контексте советской исторической политики.

Историческая политика предполагает разработку и применение комплекса мер, служащих власти для идеологизации прошлого. По словам французского историка Ю. Шеррер, «историческая политика в общем и целом направлена на формирование общественно значимых исторических образов, которые реализуются в ритуалах, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды» [Шеррер, 2009, с. 91]. Мы исходим из представления о том, что в тоталитарных условиях политика сохранения памяти направлена на формирование и закрепление прежде всего нормативной или догматичной картины прошлого. Для реализации поставленной цели нам предстоит объяснить содержание идеологических установок, адресованных музеям в 1930-х гг., охарактеризовать проблемы создания исторического отдела экспозиции в этот период, а также определить особенности рецепции экспозиции омичами, посещавшими музей.

Основные характеристики развития музейного дела в СССР в 1920–1930-х гг. приведены в семи выпусках «Очерков истории музейного дела» (1957–1971 гг.), подготовленных группой ученых под руководством А. М. Разгона. В контексте нашего исследования интерес представляют статьи авторов этих сборников: Л. Н. Годуновой [Годунова, 1989], Д. А. Равикович [Равикович, 1989] и Т. Н. Семенович [Семенович, 1989] – о культурной политике государства, органах управления музейным делом, выставочной и научно-исследовательской деятельности исторических музеев в 1920–1930-х гг. Привлекает также внимание обобщающая работа Д. А. Равикович о создании государственной сети музеев [Равикович, 1988] и книга Г. А. Кузиной о государственной политике в области музейного дела [Кузина, 1991]. Среди постсоветских изданий по истории музейного дела в СССР, освобожденных от идеологических клише предыдущих десятилетий, заслуживают внимания издания «Российская музейная энциклопедия» [Российская музейная..., 2001] и «Музейное дело России» [Музейное дело..., 2003], где охарактеризованы основные этапы деятельности отечественных музеев в разных направлениях. Объяснению процессов, происходивших в музейном деле с начала 1930-х гг., способствуют статьи Н. М. Дмитриенко и Л. А. Лозовой [Дмитриенко, Лозовая, 2013], а также Н. И. Рубан [Рубан] о Первом всероссийском музейном съезде.

В современной науке поставлен также вопрос о роли музеев в формировании коллективной памяти общества. В частности, эта проблематика разработана культурологами О. А. Божечко [Бо-

жечко, 2012] и Е. Е. Герасименко [Герасименко, 2012]. Проблемы согласования различных вариантов живой исторической памяти социальных групп, «книжной» истории и исторической политики в экспозиционной деятельности музея актуальны и для зарубежного музееведения. Примером может послужить работа Н. Л. Грин [Green, 2007].

История Омского краеведческого музея изучается этнографами и музееведами с 1980-х гг. [Томилов, 1981; Шумилов, 1988 и др.]. Исследовались творческие биографии выдающихся омских краеведов Ф. В. Мелехина, А. Ф. Палашенкова и др. [Ремизов, 2010, с. 67–70; 173–187]. Отдельно изучалась разноплановая деятельность этого музея в 1920–1930-х гг. [Безродная, 2013]. Однако особенности исторической экспозиции омского музея 1930-х гг. до сих пор не рассматривалась. Эта тема разрабатывалась лишь на материалах 1920-х гг. [Красильникова, 2011].

На протяжении 1920-х гг. в музейном деле сохранялась преемственность с дореволюционным периодом. Однако 1–5 декабря 1930 г. в Москве состоялся Первый всероссийский музейный съезд, который мобилизовал музеи в первую очередь на решение политико-идеологических задач. В итоге начался новый этап в истории музейного дела, означавший разрыв с аполитизмом, постановку музеев на службу социалистическому строительству и усиление массово-идеологической работы [Дмитриенко, Лозовая, 2013, с. 198]. Эти установки вели к сужению поля деятельности музеев, к ограничению их свободы в поиске средств репрезентации исторического прошлого, к унификации экспозиционной деятельности. Самостоятельную ценность исторического знания музейные чиновники этого времени поставили под сомнение. А попытка подойти к построению экспозиции исходя их материалистических убеждений приводила к вульгарному пониманию роли в экспозиции исторических предметов как средства демонстрации мрачности и никчемности дореволюционного прошлого края и оттенения успехов социалистического строительства. На рубеже десятилетий были отвергнуты и принципы традиционной эстетики исторического музея, главным образом любование стариной.

Съезд поставил задачу немедленно приступить к реэкспозиции, выстроить новые экспозиции на основе марксизма. В марте 1931 г. Наркомпрос РСФСР разослал обращение «Ко всем музейным учреждениям». В этом документе цель экспонирования формулировалась следующим образом: «дать ясное понимание классовых интересов пролетариата, его революционно-исторической роли в деле освобождения трудящихся от капиталистической эксплуатации и тем самым организовать волю посетителя к революционному действию, пробуждать в нем творческую инициативу активного борца за социализм» [Рубан]. В 1936 г. заместитель наркома просвещения Н. К. Крупская утвердила «Типовое положение о местных музеях, краевых (областных) и районных, состоящих на местном бюджете», согласно которому музеи были строго ориентированы на выполнение политико-просветительских задач [Там же].

Краеведческий музей в Омске был основан еще в 1878 г. Западно-сибирским отделом Русского географического общества. К 1929 г. он располагал внушительными археологическими и этнографическими коллекциями, хранил разнообразные экспонаты, связанные с историей Омска и Сибири в целом. После преодоления хозяйственной разрухи наступил плодотворный этап в работе музея. К концу 1920-х гг. его посещало до 60 тыс. человек в год, что подтверждало его популярность среди омичей [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп.1. Д. 91. 4. Л. 27]. Однако, по нашему мнению, созданию исторической экспозиции в 1920-х гг. уделялось недостаточное внимание. Вялым был сбор материалов по военно-революционной тематике, четкое представление омских музейщиков о формах репрезентации этих вещей в экспозиции еще не оформилось [Красильникова, 2011, с. 96–97].

Начало культурной революции в СССР уже в 1929 г. существенно сказалось на работе омского музея. Исторический отдел экспозиции подвергся жесткой критике со стороны Окружного отдела народного образования. В духе времени констатировалось, что у музея «нет целевой установки, материалы экспозиции часто носят случайный характер, имеют случайное происхождение» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп.1. Д. 91. 4. Л. 31]. Комиссия также вменила музею в вину бессистемное хранение многих коллекций и слабую работу по созданию отдела революции. В 1930 г. после убийственной критики со стороны Окружного отдела народного образования и увольнения директора В. Ф. Мелехина омская ежедневная газета «Рабочий путь» объявила о начале полной реорганизации музея и перестройке его экспозиции. Причины объяснялись по стандарту, присущему тому времени: «Музей таился в оболочке консерватизма и индивидуализма», а между тем его «истинное» предназначение – «стать орудием борьбы за пролетарскую культуру». Согласно газетному анонсу

приоритетным направлением экспозиционного строительства должно было стать создание общественно-экономического отдела, отражающего «жизнь Западной Сибири с древнейших времен до современности», и отдела, посвященного социалистическому строительству [Авотин, 1930, с. 4].

Перестройка экспозиции затянулась на годы, поскольку оказалась сложной в методологическом отношении задачей, мешали и кадровые перестановки: штат сотрудников этих лет был нестабильным в связи с ужесточением политического режима и началом политических репрессий. По документам, относящимся к 1931 г., музей должен был всесторонне изучать природу, экономику и культуру района в интересах социалистического переустройства его хозяйственного и бытового уклада [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 128а. Л. 7]. Показательно, что в этой формулировке отсутствовало упоминание об истории края. В музейном совете этого времени не существовало даже исторической секции, она была «растворена» в секции под названием «Человек, быт, культура, труд, экономика» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 128 а. Л. 26]. В начале 1930-х гг. главной проблемой обсуждения экспозиции омскими музейщиками стал комплексный показ («как показать в целом обстановку, в которой идет экономическая жизнь») [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 128 а. Л. 17].

В 1931 г. совет музея постановил перестроить экспозицию по комплексному принципу «с экономическими темами на фундаменте естественно-историческом и культурно-историческом» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 128 а. Л. 17 об.]. Комплексный подход к созданию экспозиции понимался как одновременный показ геологических, исторических, этнографических экспонатов, а также музейных предметов из отделов живой природы и экономики. Объединить все это в технических условиях начала 30-х гг., избежав максимального обобщения данных о крае, оказалось очень трудной задачей. Уже на начальном этапе разработки экспозиционного плана стало ясно, что не получится «показать комплексно» всю Омскую область и город Омск. Тогда было решено создать самостоятельный отдел, посвященный Омску. Его собирались построить по следующей схеме: почва, рельеф, ландшафт, климат, история возникновения, история классовый борьбы, история развития народного хозяйства, рост культурных и кооперативных учреждений» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 128 а. Л. 17]. Вопрос о том, как разместить экспонаты, чтобы избежать старого принципа их размещения – в отдельных залах «по дисциплинам», оказался самым трудным. Омские музейщики так и не решили, как именно «вмонтировать» исторические экспонаты в показ природы и экономики края. Поэтому постановили работать главным образом над сбором материалов по этой проблематике в архивном бюро. В плане были обозначены такие темы для разработки, как «Сибирское областничество» и «Народничество в Сибири (ссылные)» [ГИАОО. Ф. Р-1076. Оп. 1. Д. 130. Л. 6].

Рассуждения на тему комплексного показа отложились среди прочей документации музея, переданной областному архиву, в записке, составленной музейщиком А. В. Савоновым для обсуждения в кругу коллег. Савонов предлагал создать громадную рельефную карту Сибири (а по возможности и всего СССР) и построить экспозицию на поверхности этой карты. По его мнению, следовало отразить с помощью музейных вещей на карте следующие темы: «Хлеб», «Металл», «Лес», «Транспорт» и др. В качестве примера он подробно описал свое видение демонстрации темы «Хлеб». На плоскости карты Савонов предложил раскрыть с помощью разнообразных экспонатов следующие аспекты темы: разрез почвы, подходящей для выращивания хлебов, график с данными погодных условий, необходимых для роста злаковых культур, материалы по эволюции видов злаковых и искусственной селекции сортов; изменения орудий труда, предназначенных для выращивания хлебов от древности до современности, технологические особенности хлебного производства от посева до уборки урожая; аграрный вопрос, крепостное право, имущественное расслоение в деревне, проблемы частной собственности на землю и орудия производства, мероприятия советской власти в аграрной сфере, создание колхозов и ликвидация кулачества как класса [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 179. Л. 27]. Очевидно, что расположить на карте соответственно темам множество экспонатов, избежав при этом путаницы, было крайне сложно. Поэтому идея Савонова так и не была реализована в экспозиционном плане.

Новая экспозиция создавалась медленно, по частям. Из отчета музея за 1932 г. известно, что омские музейщики «перестроили отдел революции» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 143. Л. 2], но документы не позволяют судить о том, что он из себя представлял. В 1933 г. сотрудники омского музея попытались отразить «в комплексном показе отдел эпохи социалистического строительства с 1919 по 1933 гг.» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 155. Л. 1об.]. В 1934 г. историко-краеведческая ра-

бота планировалась эпизодами: исследовать историю труда и быта коммун им. Роговского; изучить партизанское движение в Муромцевском районе Татарского округа (ответственный С. И. Кочнев); организовать выставку по истории фабрик и заводов Омска [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 164. Л. 1]. Согласно отчету в 1935 г. Кочнев продолжал изучать архивные материалы по истории партизанского движения. Параллельно шло столь характерное для этого времени создание «кировского уголка» к годовщине убийства С. М. Кирова [В музее организован..., 1935, с. 4]. Однако исторический отдел экспозиции уже несколько лет оставался в зачаточном состоянии.

В 1936 г. сбор материала и поиск способов его экспонирования замкнулся на сугубо политических темах: «Первые советы в Омске», «Суд над Куйбышевым», «Польская ссылка в Омской области» и «Бунт в киргизских степях» (о национальной политике самодержавия). Сбор материала подчинялся заранее сформулированным задачам, которые предполагали и вполне определенные выводы. К примеру: «показать, что советы возникли в результате борьбы пролетариата с буржуазией за установление диктатуры пролетариата»; «показать роль большевиков как организаторов борьбы за власть Советов» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 164. Л. 38]. Исчерпав потенциал собственных экспозиционных идей, с 1936 г. омичи начали ездить в Москву с целью перенять опыт у столичных коллег из Музея Красной армии и Исторического музея, где уже существовали экспозиции, построенные по-новому.

С 1937 г. музей возглавляла директриса по фамилии Петровская. Под ее руководством работа над историческим отделом экспозиции стала более интенсивной и продуктивной. Как того и требовала культурная политика тех лет, новый директор считал приоритетным направлением в работе музея агитационно-пропагандистское. Научно-исследовательской работе она придавала второстепенное значение. В ее представлении историческая часть экспозиции должна была «увязываться с демонстрацией настоящего и перспективами будущего» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 128. Л. 21 об.].

В 1937 г. был разработан довольно подробный план экспозиции, которая включала два основных отдела: художественный и краеведческий, куда входили историко-археологический и историко-революционный. Этот план корректировался и дополнялся на протяжении нескольких лет. Его осуществление также происходило постепенно. Согласно плану первые три зала посвящались физико-географическим особенностям Омской области. Следующие пять залов занимал историко-археологический отдел, еще пять залов – историко-революционный, три зала – отдел социалистического строительства. От комплексного принципа построения экспозиции на этом этапе отказались, природа области демонстрировалась отдельно. История Омской области начиналась с показа «первобытного коммунистического общества». В отделе были представлены археологическая карта области, макеты орудий труда, зарисовки стоянок, репродукции с картин В. М. Васнецова и Н. К. Рериха, изображающих первобытных людей. Отдельный зал посвящался «дославянским культурам». Татары были представлены по материалам раскопок городищ Искер и Кучумово. Экспозиция содержала также зарисовки городищ, картографические материалы и отрывки из летописных описаний, изображения ненцев, остяков и вогулов. Однако, судя по экспозиционному плану, собственно этнографические вещи из богатых коллекций музея не экспонировались.

В зале, посвященном покорению Сибири, были представлены выдержки из летописей о походах новгородских ушкуйников, чертежи и карты их походов в Сибирь, летописные свидетельства о походах Ермака. Среди музейных вещей были снаряжение дружинников, доспехи, рисунки из Кунгурской летописи. Специально для этой части экспозиции создавались карта завоевания Сибири и модели острогов. Следующие за ним залы раскрывали темы «Первые "засельщики"», «Закабаление туземцев, их опорные пункты и остроги»; «Земледельческая колонизация XVIII – XIX вв.»; «Развитие капитализма и зарождение фабрично-заводской промышленности». В них демонстрировались пушки, ядра, ружья, а также диаграммы, которые отражали демографический рост населения. В зале «Переселенцы и переселение после 1861 г.: от ходоков до быта на новом месте» экспонировались орудия труда, жилище, одежда, крестьянская пища в рисунках и документах.

Экспозиция включала и историко-революционный отдел, построенный на основе марксистско-ленинской методологии. Этот отдел отражал историю революционного движения в стране начиная с восстаний под предводительством И. Болотникова, С. Разина и Е. Пугачева. Здесь же предполагалось представить материалы о декабристах, петрашевцах, народниках. В отдельном зале по плану должны были размещаться материалы по истории ВКП (б), революции 1905 г., ссылке и

каторге. Еще один зал отводился для материалов о Февральской и Октябрьской революциях, в отдельном зале предполагалось экспонировать материалы о Гражданской войне. Завершался этот отдел экспозицией «Сталинская конституция», которая была представлена как счастливый итог долгих лет упорной борьбы трудового народа с гнетом капитала. Какие именно вещи должны быть представлены в этом отделе, план 1937 г. не предусматривал. Более детальная проработка военно-революционного отдела велась позже [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 164. Л. 39 об.–42].

В 1938 г. омские музейщики создавали историко-революционный отдел. Материалов, пригодных для экспонирования, было мало. Предпринимались попытки сотрудничества с революционерами, участниками большевистского подполья, и с партизанами [ЦД НИОО. Ф.П-1659. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5]. Работая над экспозицией, музейщики приняли единственно верное для тех лет решение опираться в качестве источника исторической информации на новый учебник «Краткий курс истории ВКП(б)» [ЦД НИОО. Ф.П-1659. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.].

С целью обмена опытом и сбора дополнительного материала в конце 30-х гг. омичи ездили в командировки в Новосибирск, Свердловск, Казань и Москву. Актуальной задачей являлась разработка тематики, связанной с событиями недавнего прошлого. В 1938 г. омичи составили план зала «Первые сталинские пятилетки (1928–1938 гг.)». В соответствии с пропагандой тех лет они демонстрировали рост социалистического сектора промышленности за 1924–1927 гг.; раскрывали тему социалистических соревнований на примере омских железнодорожных мастерских; отразили увеличение посевных площадей колхозов, итоги первой пятилетки, стахановское движение, повышение уровня благосостояния и культурного развития трудящихся. Для этого использовались цитаты из «Краткого курса ВКП(б)», диаграммы, картограммы, лозунги.

Одновременно дорабатывался план историко-археологического отдела экспозиции: в 1939–1941 гг. составлялись карты путей татарской и ненецкой колонизации, реставрировались с целью экспонирования хранившиеся в музее подлинные сельскохозяйственные орудия труда. В 1941 г. при музейно-краеведческом совете была создана историческая секция, в постоянные задачи которой вошло изучение археологии и истории Омской области. В состав секции вошли П. А. Шуркин, В. Т. Верелович, И. Н. Шухов, А. Ф. Палашенков, Г. С. Дроздов, Г. Н. Белозеров. Эта группа занялась переработкой экспозиционного плана [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 164. Л. 96–102].

Экспозиционный план 1940 г. получился довольно подробным и логически выверенным, что свидетельствует о профессионализме и опыте знакомства составителей с образцовыми экспозициями столичных музеев. Содержательная цель плана экспозиции была сформулирована следующим образом: «отразить основные факты из истории Сибири, преимущественно Омской области». Эта установка соответствовала ожиданиям и пожеланиям жителей Омска.

В основе построения экспозиции лежали материалистический и марксистский методологические принципы. В качестве экспонатов было решено использовать не только оригинальные археологические и этнографические вещи, демонстрировавшиеся ранее, но и различные макеты, муляжи, фотографии и текстовые пояснительные материалы. Не могли обойтись в эти годы музейщики и без цитат из работ Ф. Энгельса и И. В. Сталина. Именно словами вождя открывалась и заканчивалась экспозиция.

По плану первый зал знакомил посетителей музея с разницей между «религиозным» и «научным» представлениями о строении земли, космоса и о происхождении жизни. Второй зал должен был знакомить посетителей музея с историей края в периоды палеолита, неолита и «металлического века» («медно-бронзового века»). Местные материалы демонстрировались в контексте мировых процессов антропогенеза и цивилизационного развития человечества. Однако подлинных омских материалов экспонировалось сравнительно немного. Они были представлены главным образом орудиями труда, самые ранние из которых относились к неолиту. Разработчики плана учли опыт создания экспозиции в комплексном показе. В этом отделе они решили продемонстрировать не только археологические находки, но и разрез почв, и даже некоторые зоологические материалы.

Третий зал раскрывал историю края XVI–XVII вв. В нем планировалось представить материалы о проникновении новгородцев в Сибирь, о первых контактах коренных жителей Сибири с иностранцами. Предполагалось отдельно показать материалы, посвященные «Сибирскому царству» (Сибирскому ханству), в первую очередь Искеру и его жителям – татарам. Специально для экспозиции составлялась карта «Сибирского царства», а также выбирались археологические предметы, найденные при раскопках Искера. Завоевание Сибири Ермаком планировалось продемонстрировать в

следующих аспектах: «Политика Ивана Грозного в продвижении на восток»; «Строгановы на Урале» и «Поход Ермака». В рамках экспозиции предполагался показ портретов Ивана IV, Ермака, подлинных колчанов, стрел, пушечных ядер и кольчуги того времени; старинной литографии «Чувашов мыс», рисунков первых русских острогов, а также подлинных остатков старинных укреплений: кирпичей и решеток башенных окон.

В четвертом зале по плану демонстрировалась история края в XVIII–XIX вв. Главной темой этой части экспозиции стала военная и сельскохозяйственная колонизация. Планировалось также отразить правовое и экономическое положения населения в эти годы. Особое внимание уделялось основанию Омска. Был запланирован показ фото старинных омских крепостных ворот и знамени сибирских казаков. Пятый зал по плану посвящался Сибири как месту каторги и ссылки [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп.3. Д. 6. Л. 5–6].

Однако история Омска и Омской области в XX в. была разработана в новом плане очень невнятно. К маю 1941 г. планировалось завершить построение экспозиции в зале, раскрывавшем тему Первой русской революции, а к 7 ноября – доработать экспозицию в военно-революционных залах. Начавшаяся война помешала осуществлению всех этих планов. Сложную в исполнении археологическую карту омичи не смогли закончить даже в годы Великой Отечественной войны.

Согласно книге отзывов за 1936–1937 гг. посетителей музея в большей степени привлекали подлинные археологические и исторические вещи, интересовало «старое» и «новое» в сравнении. Большинство отзывов об исторических отделах экспозиции касалось сюжетов, связанных с Ермаком. Дети писали: «Особенно понравилось то, как раньше воевали запорожцы с татарами». Многие отзывы содержали критику. Посетители сетовали на то, что представленные в экспозиции материалы «непонятны». Некто, подписавшийся «Василий Астахов», отметил: «История народа – это история его переживаний и борьбы. А у вас где это показано? Хотя и показано, но немо. Вот найдут Ермака – это завоеватель Сибири. А где это видно? Где показано, что он завоевал, покоряя Сибирь, кто он вообще такой? Не каждый знает, что он холоп Строгановых. Плохо, что ваши сопровождающие не рассказывают хотя бы вкратце о данном изображении, а только ходят и окрикивают. Мое пожелание: сделайте музей действительно доступным, понятным, чтобы из него уходили посетители со знаниями виденной ими истории» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 185. Л. 6 об.]. Взрослых посетителей разочаровывали не только грубое отношение персонала и невнятные экскурсии, но и фактически отсутствие отдела, посвященного революционному движению и Гражданской войне [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 185. Л. 21].

Книги отзывов за 1937–1938 и за 1938–1941 гг. отражают аналогичные претензии. Современному исследователю бросается в глаза то, что многие посетители музея находились под сильным влиянием политической пропаганды. Поэтому хотели видеть в экспозиции отражение тем, которые были на слуху, воспринимались как злободневные, к примеру, темы «Этапы борьбы Ленина и Сталина за партию нового типа». Многие посетители хотели видеть больше материалов о «наших любимых вождях», особенно о С. М. Кирове, памяти которого власть уделяла в эти годы много внимания. Рабочие, представители старшего поколения, предлагали музею расширить раздел экспозиции, посвященный революции, подробнее рассказать о событиях 1905 г. Свидетели событий Гражданской войны высказывали неудовлетворенность, когда замечали расхождение их воспоминаний о войне и репрезентации военных событий в экспозиции. Так, один из посетителей записал в книге отзыв: «Партизанское движение представлено не полностью. Города Тюкалинска, где Колчак жестоко расправился с партизанами – коммунистами нет». Такие посетители, очевидно, ждали отклика музея на их замечания, желали участвовать в процессах мемориализации, над которыми работали музейщики [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 190, Л. 4, 8, 8об., 12, 14, 19, 20, 21]. К примеру, некоторым нравились материалы о «битвах с белобандитами и их зверствах».

Однако не только за политизированной новейшей историей омичи шли в музей. Многих интересовала история края в древности, представленная в новых отделах, они указывали, что музей мало походил на «краеведческий». Посетителей разочаровывало отсутствие этнографических экспонатов, оригинальных документов (современные перепечатки воспринимались как «халтура»), слабая подача тем борьбы с интервентами в годы Гражданской войны, развития омской печати, в также темы «колчаковщины» [ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 194. Л. 3об., 7, 20, 42об.].

Итак, в первой половине 1930-х гг. историческая экспозиция Омского краеведческого музея находилась в состоянии глубокого кризиса. Изменение исторической и музейной политики, как и

политической, экономической и культурной обстановки в стране, негативно сказалось на попытках творческого переосмысления музейщиками истории края и страны. Омский музей не был исключением. Затяжной методологический кризис начался и в других сибирских музеях. На протяжении семи лет музей практически не выполнял функций актуализации и расширения коллективной памяти омичей о прошлом региона. Вместе с тем в этот период рождались новые радикальные экспозиционные идеи, быть может, недооцененные. Таков, на наш взгляд, план комплексного показа края, разработанный Савоновым. Однако в первой половине 30-х гг. творческая инициатива не находила поддержки. Смелые репрезентации прошлого могли стать причиной обвинения во вредительстве, поэтому руководство учреждения заняло выжидательную позицию, официально объясняя ситуацию сбором материала. На работе музея сказались такие тенденции политики памяти, как унификация исторического знания, долгие годы приводившая к слабости репрезентаций истории Омской области, гиперболизация роли И. В. Сталина в военно-революционных событиях, насаждение в сознание масс нового героического пантеона (особенно значительной для Омска стала фигура В. В. Куйбышева).

В конце 1930-х гг. омский музей вышел на путь преодоления кризисных тенденций, чего, к сожалению, не скажешь о музеях Томска и Барнаула. Формирование нового коллектива с более компетентными музейщиками, в числе которых был выдающийся краевед А. Ф. Палашенков, установление контактов с музеями страны, находившими способы идеологически корректного в то же время более или менее грамотного с точки зрения науки экспонирования исторических вещей, а также использование собственных богатых коллекций позволили омичам в предвоенный период сделать свой музей более привлекательным для посетителей, теснее связанным с их интересами и коллективной памятью. Критика же музея посетителями говорит о том, что омичи не были равнодушны к этому учреждению, признавали за музеем роль хранителя наследия, в том числе местного, а также просветителя. Многие омичи ожидали повышения качества работы музея с местным населением, стремились к диалогу с разработчиками музейных репрезентаций.

Библиографический список

- Авотин Я.* Краевой музей должен быть орудием борьбы за пролетарскую культуру // Рабочий путь. 1930. 6 апр.
- Безродная О. А.* Западно-Сибирский краевой музей (1921–1934 гг.) // Изв. Омского гос. ист.-краевед. музея. Омск, 2013.
- Божечко О. А.* Музей в формировании исторической памяти: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2012.
- В музее* организован Кировский уголок // Рабочий путь. 1935. 3 дек.
- Герасименко Е. Е.* Музей в институционализации социальной памяти: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2012.
- Годунова Л. Н.* Органы управления музейным делом в СССР. 1917–1941 гг. // Музейное дело в СССР. М., 1989. Вып. 19.
- Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО).* Ф.Р-1076. Оп.1. Д. 91. ГИАОО. Ф.Р-1076. Оп. 1. Д. 128, 128 а, 130, 143, 155, 164, 179, 185, 190, 194; Оп. 3. Д. 6.
- Дмитриенко Н. М., Лозовая Л. А.* Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела в России // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 6.
- Красильникова Е. И.* Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е гг. // Вопр. музеологии. 2011. №4.
- Кузина Г. А.* Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). М., 1991.
- Музейное дело России.* М., 2003.
- Ремизов А. В.* Омское краеведение 1930–1960-х гг.: Очерк истории. Омск, 2010.
- Равикович Д. А.* Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1969. Вып. 6.
- Равикович Д. А.* Формирование государственной музейной сети (1917 – первая половина 60-х гг.). М., 1988.
- Российская музейная энциклопедия.* М., 2001.

Рубан Н. И. Первый Всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев // Портал «Российское музееведение». URL: // http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf (дата обращения: 27. 11. 2014).

Семенов Т. Н. Выставочная работа музеев (1917–нач. 1950-х гг.) // Музейное дело в СССР. М., 1989. Вып. 19.

Томилов Н. А. Этнографические коллекции в омских музеях // Сов. этнография. 1981. № 5.

Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННАО). Ф.П-1659. Оп. 1. Д. 1.

Шерпер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // Pro et Contra. 2009. Май – август.

Шумилов А. И. Из истории создания историко-революционного отдела Омского краеведческого музея // Музееведение Западной Сибири. Омск, 1988. № 5.

Green N. L. History at Large. A Franch Ellis Island? Museums, Memory and History in France and the United States // History workshop journal. 2007. №63.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.11.2014

REPRESENTATION OF THE PAST IN THE OMSK REGIONAL MUSEUM'S EXPOSITION (1929 – THE FIRST HALF OF 1941)

Е. И. Krasilnikova

Novosibirsk State Technical University, Karla Marksa ave., 20, 630073, Novosibirsk, Russia
katrina97@yandex.ru

The essay is devoted to the problems of constructing the historical section of the Omsk Regional Museum's exhibition in 1929 – the first half of 1941. At the turn of the second and the third decades of XX century the cultural politics in the USSR had changed, and the old approaches to museum representations of the past had been criticized. The author shows the crisis of the Omsk Museum's exposition in the first half of the 1930s, when the historical exposition was dismantled, and the Museum staff was looking for a correct approach to the creation of a new historical section of the exposition but failed to implement a comprehensive approach. In the second half of the 1930s, the Omsk Museum workers returned to the principle idea of the exhibition and created it slowly, in an atmosphere of constant debates and criticisms. The author shows the role of individual specialists in creating the exhibition and characterizes the attempts to overcome methodological crisis in the prewar years. The attention is paid to the museum visitors' perception of the historical section, e.g. some critical remarks and wishes. The ideological significance of the exhibition is explained. According to the author, during 7 crisis years, the Museum did not accomplish the functions of the upgrading and expansion of the Omsk citizens' collective historical memory. However, by sharing experiences with the colleagues from Moscow and other cities, as well as due to the initiative of outstanding ethnographers, who came to the Museum in the late 1930s, the Museum staff found the solutions of problems, created the historical section of the exposition and developed the attendance and the interest of the citizens to the Museum

Key words: Omsk, Museum, historical memory, memory politics, exposition, the representation of the past.

References

Avotin J. Kraevoy muzei dolzhen byt orudiem borby za proletarskuyu kulturu. *Rabochiy put.* 1930. 6 aprelya.

Bezrodnaya O. A. Zapadno-Sibirskiy kraevoy muzei (1921–1934 gg.)ю *Izvestia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya.* Omsk, 2013. S. 31–51.

Bozhechko O. A. Muzey v formirovanii istoricheskoy pamiati. Avtoreferat diss. ... kand. Kulturologii. SPb., 2012.

Dmitrienko N. M., Lozovaya L. A. Perviy muzeiniy s'ezd kak factor evolucii muzeinogo dela v Rossii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoriya.* 2013. № 6. S. 193–198.

Gerasimenko E. E. Muzey v institutsionalizatsii sicialnoy pamiati. Avtoreferat diss. ... kand. kulturologii. SPb., 2012.

GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. 128 a.

GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. 128.

GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. 130.

GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. 143.

GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. 155.

GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. 164.

GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. 179.

- GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. 194.
GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. 91.
GIAOO. F.R-1076. Op. 1. D. Д. 190.
GIAOO. F.R-1076. Op. 3. D. 6.
Godunova L. N. Organi upravlenya muzeynim delom v SSSR. 1917–1941 gg. *Muzeynoe delo v SSSR*. M., 1989. Vip. 19. S. 13–42
Gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (GIAOO). F.R-1076. Op.1. D. 6.
Krasilnikova E. I. Osobennosti reprezentatsii istoricheskogo proshlogo v ekspozitsii Omskogo muzeya v 1920-e gg. *Voprosy muzeologii*. 2011. №4. S. 91–103.
Ravikovich D. A. Formirovanie gosudarstvennoy muzeynoy seti (1917 – pervaya polovina 60-h gg.). M., 1988.
Ravikovich D. A. Organizatsiya muzeynogo dela v godi vosstanovleniya narodnogo hozyaystva (1921–1925 гг.) *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR*. M., 1969. Vip. VI. S. 97–145.
Remizov A. V. Omskoe kraevedenie 1930–1960-h gg. *Ocherk istorii*. Omsk, 2010.
Rossiyskaya muzeynaya enciklopediya. M., 2001.
Ruban N. I. Perviy Vserossiyskiy muzeyniy s'ezd, ego vliyanie na razvitie dalnevostochnih muzeev. *Portal «Rossiyskoe muzevedenie»*. URL: // http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf (data obrasheniya: 27. 11. 2014).
Semenenko T. N. Vistavochnaya rabota muzeev (1917 – nach. 1950-h gg.). *Muzeynoe delo v SSSR*. M., 1989. Vip. 19. S. 13–42.
Sherrer U. Otnoshenie k istorii v Germanii i Francii: prorabotka proshlogo, istoricheskaya politika, politika pamyati. *Pro et Contra*. 2009, may – avgust. S. 89–108.
Shumilov A. I. Iz istorii sozdaniya istoriko-revolucionnogo otdela omskogo kraevedcheskogo muzeya. *Muzevedenie Zaratnoy Sibiri*. Omsk, 1988. S. 20–22.
Tomilov N. A. Etnografichskie kolleksii v omskih muzeyah. *Sovetskaya etnografiya*. 1981. № 5. S. 84–95.
Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Omskoy oblasti. (TsDNIOO) F.P-1659. Op. 1. D. 1.
V muzee organizovan Kirovskiy ugolok. *Rabochiy put*. 1935. 3 dekabrya.
Muzeinoe delo v Rossii. M., 2003
Green N. L. History at Large. A Franch Ellis Island? Museums, Memory and History in France and the United States. *History workshop journal*. 2007. №63. P. 239–255.